К.В. Львов

СЛЕДСТВИЯ И СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ в 1920 – 30-е гг.

В первой половине 20-х гг. российские эмигранты пользовались различными льготами (на въезд, проживание и налогообложение) во Франции. Такая политика французского правительства была связана с нехваткой рабочей силы, необходимой для восстановления экономики страны после Первой мировой войны. Однако с 1925 г. эмигрантам становилось все сложнее устроиться на постоянную и достаточно хорошо оплачиваемую работу. Главная причина ухудшения их материального положения заключалась в поразившем Францию экономическом кризисе, первые признаки которого появились во второй половине 20-х гг. Вполне естественно, что в условиях растущей безработицы французское правительство было заинтересовано в том, чтобы именно французы сохранили свои рабочие места.

Одновременно с нарастанием кризисных явлений в экономике Франции отмечается рост преступности в среде российских эмигрантов.

В данной статье на некоторых примерах показывается, что нежелание французских властей способствовать скорейшей интеграции эмигрантов в экономическую жизнь Франции и как-то облегчить их положение в условиях надвигающегося кризиса, негативно повлияло на образ мышления и нормы поведения некоторых представителей российской эмиграции, почувствовавших возможность (или неизбежность) преступать рамки закона.

Большинство преступлений, совершенных эмигрантами, касалось присвоения чужой собственности силой или хитростью. Но мы начнем путешествие по «кругам ада» российской эмиграции с преступлений против нравственности. Их очень мало – наши соотечественники на подобные «мелочи» не разменивались.

В 1925 г. французской полицией был арестован А. Южин, 34–х лет, выдававший себя за морского врача. Его жена также была задержана. В своей квартире Южин показывал избранной публике за входную плату в 200 франков «видения искусства», исполнявшиеся его женой, и кинематографи-

ческие снимки непристойного содержания. Полиция явилась ночью и застала в квартире Южиных 25 человек, распивавших спиртные напитки в компании несовершеннолетних девушек.

Южин был осужден за «нарушение общественной нравственности» и приговорен к 13-ти месяцам тюрьмы.[1]

В 1928 г. на скамье подсудимых 12-й камеры исправительного суда оказалась русская эмигрантка Демидова, по первому мужу - княгиня Трубецкая. В 1919 г. она приехала в Париж и открыла на Елисейских полях великолепно обставленное агентство, принимавшее заказы на покупку картин. Во время судебного заседания председатель огласил записи в «Книге для заказов», найденной в агентстве: «элегантная блондинка высокого роста», «маленькая брюнетка, довольно полная» и т.д. Полиция обвинила подсудимую в том, что большинство ее «картин» моложе 21 года. В итоге Демидовой присудили 5 000 фр. штрафа.[2]

Гораздо чаще в роли подсудимых оказывались профессиональные мошенники, совершившие далеко не первое правонарушение, что видно из материалов следующих судебных разбирательств.

В 1925 г. в 16-й камере парижского исправительного суда слушалось дело Е. Карповой, обвиняемой в мошенничестве. Рядом с ней, еще молодой элегантной женщиной, на скамье подсудимых занимал место ее сообщник Л. Палкин, «немолодой человек с благообразной седой бородой».

Дело заключалось в следующем. Карпова брала у своих знакомых на комиссию драгоценности, главным образом, бриллианты. Так, владелец книжного магазина «Маяк» доверил ей кольцо стоимостью 6 000 фр., некая г-жа Новотворцева поручила Карповой продать свои драгоценности на общую сумму в 150 000 фр., еще одна клиентка передала ей на 30 000 франков различных ценных вещей. Карпова выдала расписки, а затем бесследно исчезла.

Поиски ее продолжались несколько месяцев. Наконец, «комиссионершу» нашли в Ницце и арестовали, а оттуда этапным порядком доставили в Париж. Палкин был арестован ранее. Из обвинительного акта следует, что Карпова передавала ему вещи, а Палкин пытался их сбыть. Часть драгоценностей и вещей была обнаружена на квартире Карповой при обыске.

Карпову осудили на 2 года тюремного заключения, а в отношении Палкина защитник Кан предложил отправить дело на доследование. Представители гражданского иска И.Л. Френкель и П. Леманн возражать против этого не стали.[3]

В том же 1925 г. инженер-эмигрант Клифусь стал жертвой крупного мошенничества. Вдова его брата, вышедшая замуж за американца Проктера, урожденная Н. Венгерова, обратилась к Клифусю с просьбой дать ей взаймы 40 000 фр. В качестве обеспечения она предложила такую же сумму в долларах, которые ей не хотелось продавать. Было условлено, что инженер пере-

даст деньги знакомому Проктер, который вручит ему залог. Встретившись в кафе, этот господин (в газетном отчете о судебном заседании он назван «г-ном А.») передал инженеру доллары. Клифусь пересчитал деньги, после чего «г-н А.» вложил их обратно в конверт. Когда через несколько дней инженер захотел проверить содержимое конверта, то обнаружил тонкие листы картона, на которые доллары были ловко подменены. Клифусь заявил в полицию о случившемся, и вскоре полиции удалось задержать г-жу Проктер, сообщившую, что «г-н А.» действовал без ее ведома.[4]

Существовали во Франции и преступные организации, занимавшиеся подделкой денег и документов. В их состав входили представители разных эмигрантских общин. К сожалению, по материалам периодической печати невозможно выявить связи русских эмигрантов с организованной преступностью во Франции, для подобного исследования необходимо привлечение иного круга источников.

19 октября 1931 г. перед парижским судом присяжных предстали Л. Бровер из Новгорода и румыны И. Коган и Г. Станигрос, обвиняемые в сбыте фальшивых английских фунтов. Они были арестованы в мае 1930 г. на террасе в ту минуту, когда Бровер вручил Когану конверт с фальшивыми фунтами. Бровер не отрицал своей вины, но румыны утверждали на суде, что стали жертвой ловкого мошенника. Бровер, по сведениям «Последних новостей», - «человек с богатым уголовным прошлым»: его судили в Берлине, Вене, Брюсселе.[5]

В 1932 г. был арестован мошенник К. Травер, который на протяжении пяти лет под разными именами, гримируясь и меняя свою внешность, умудрился обобрать разных людей более чем на миллион франков. За десять лет до этого заочно осужден на 20 лет каторги за присвоение 200 000 фр.

Аферист переменил свое имя и три года спокойно проживал эти деньги. Когда же они закончились, ему пришлось снова «взяться за работу». Прием был один и тот же: Травер выдавал необеспеченные чеки ювелирам, у которых приобретал драгоценности. Однажды, выдав себя за секретаря Л. Манташева, он сумел снять с его счета в банке 30 000 фр. и заполучил его чековую книжку, из которой выдал ювелиру чек на 190 000 фр.

Травер менял свое имя несколько десятков раз, а когда обманывать ювелиров стало опасно, придумал новый трюк. Элегантно одетый, он обходил дома, где сдавались квартиры, и снимал их, не торгуясь. Перед уходом он заявлял консьержу, что у него не хватает денег, чтобы выкупить багаж. Пятнадцать консьержей за короткое время попались на эту удочку. Но один из пострадавших случайно увидел Травера и заявил в полицию.[6]

Многие российские эмигранты пытались улучшить свое благосостояние менее хитроумным способом: самой обыкновенной кражей чужого имущества. Причем, если для одних совершенные преступления не казались

чем-то необычным, то для других, по их собственному признанию, они стали аномальным явлением, не контролировавшимся рассудком.

В 1925 г. в 11-й камере исправительного суда состоялся процесс по делу А. Лацина, бывшего офицера армии генерала Врангеля, 38-ми лет. Он воровал в поездах на Лионском вокзале чемоданы пассажиров. На кражи поступало много жалоб, но полиция долго не могла задержать преступника. Когда же Лацин был все-таки арестован, при обыске в его квартире было обнаружено множество чемоданов и похищенных вещей стоимостью до 30 000 фр. Суд приговорил Лацина к 8-ми месяцам тюрьмы.[7]

Отметим, что жертвами преступников из эмигрантской среды становились не только французы, но и соотечественники.

Так, в 1931 г. в 15-й исправительной камере слушалось дело, в котором и потерпевшими, и обвиняемыми были русские эмигранты. Г-жа Гартонг, эмигрировавшая из России, держала в Ницце пансион. В близких отношениях с ней находился богатый коммерсант, у которого шофером служил бывший российский подданный, грек по происхождению, Д. Талажевидес. Пансион Гартонг был обворован: пропали драгоценности и ценные бумаги. Подозрения пали на Талажевидеса, но он сумел доказать свое алиби и уехал в Париж. В Париже полиции удалось напасть на след похищенного. Украденные вещи находились у русских эмигрантов Миндорфа, Седовцева и Красильчикова, получивших их у Талажевидеса для последующей реализации. Все четверо были арестованы. Суд приговорил Миндорфа к 3-м годам тюрьмы и 200 фр. штрафа, Седовцева - к полутора годам тюрьмы и 200 фр. штрафа; Красильчикова - к 13-ти месяцам тюрьмы и 100 фр. штрафа. Главным виновником суд признал Талажевидеса и приговорил его к 2-м годам тюрьмы и возмещению предъявленного ему иска в размере 100 700 фр.[8]

В ночь с 9 на 10 января 1926 г. в контору крупного завода в Лионе забрались воры, взломали несгораемый шкаф и похитили 243 000 франков. Подозрение пало на русского шофера А. Малявина. Арестован он был на улице, в момент, когда двое грабителей садились к нему в машину. Один из бандитов, норвежец П. Богольт, выстрелил в инспектора, ранил его и скрылся. Другой – итальянец П. Монетти – был арестован вместе с Малявиным.

Богольта жандармы настигли в 20 км от Лиона. Бандит оказал вооруженное сопротивление и был убит.

Через несколько часов в одном из лионских кафе были задержаны другие члены преступной группы: В. Миллер, М. Крайль и И. Жиллье.

17 января в Лионе полиция арестовала Н. Зацука, В. Познера и Р. Сильченко, также причастных к ограблению 10 января. Последний участник банды – латыш Страутеман – скрылся в неизвестном направлении. Как установила полиция, главарем банды был убитый жандармами Богольт.[9]

Однако и людям, ведущим законопослушный образ жизни, далеко не всегда удавалось приспособиться к реалиям эмигрантского существования. Ниже приведены примеры того, как эмоциональные потрясения, вызванные различными причинами, приводили к трагическим последствиям.

В один из февральских дней 1926 г., около полуночи, ресторан «У артистов» на рю Леклюз был переполнен: первый артистический «капустник» привлек много публики.

…Вдруг раздался выстрел. Присяжный поверенный Б.В. Домбровский, сидевший посреди зала, медленно откинулся в кресле. За спиной Домбровского стоял человек с револьвером в руке.

Стрелявшим оказался Ф.Ф. Камендровский, 32-х лет, бывший офицер, работавший в последнее время метрдотелем в «Оазисе» и «Мартьяныче». В полночь он закончил работу и, сильно выпив, отправился в соседний ресторан. Никто не заметил, как в час ночи Камендровский встал из-за стола, подошел к Домбровскому, приставил револьвер к его виску и спустил курок.

Домбровский в бессознательном состоянии был доставлен в госпиталь Божон, где несколько минут спустя скончался.

Комиссар квартала Батиньоль сообщил об этом арестованному убийце. На вопрос следователя о мотивах преступления тот ответил, что так он отомстил за отнятую у него жену.

Жена его - Е.Я. Камендровская - работала манекенщицей в одном крупном парижском «кутюре» на рю Вивьен. Ее муж, человек раздражительный и ревнивый, по словам знавших его, отравлял жизнь молодой женщине: устраивал ей сцены ревности и избивал. Кончилось тем, что Камендровская ушла от мужа к присяжному поверенному Домбровскому. Для Камендровского, любившего жену, это был тяжелый удар. В припадке отчаяния он пытался покончить с собой, но был только ранен. После этого он, казалось, смирился с судьбой: согласился дать развод, стал встречаться с Домбровским. Ничто не предвещало драмы. Но, по-видимому, Камендровский вынашивал мысль об убийстве…

На допросе в комиссариате он сказал, что убийство было заранее обдумано. И взял на себя полную ответственность за все происшедшее. Камендровская, со своей стороны, подтвердила все уже известные комиссару факты.

Убийца рассказал судебному следователю, что причиной, толкнувшей его на совершение преступления, было несоблюдение женой при разводе достигнутой договоренности: скрыть от дочери их семейную драму. Тогда он решил отомстить. Камендровский, заключенный в одиночную камеру в тюрьме Сантэ, демонстрировал совершенное равнодушие к своей судьбе и ничуть не раскаивался.[10]

7 сентября 1925 г. эмигрант В. Мосидзе, уроженец Екатеринодара и участник Белого движения, убил свою любовницу, француженку, С. Маллоран и затем пытался покончить с собой. Раненный двумя пулями в грудь, Мосидзе выжил и в июле 1926 г. предстал перед Сенским судом присяжных. Мягкий и скромный человек, он честно работал на заводе Рено, иногда по 18 часов не выходил из мастерских. Квартирная хозяйка считала его спокойным, хорошим жильцом, администрация завода - добросовестным, старательным рабочим, приятели - портной Черный и рабочий Токарев - добрым, вспыльчивым, но незлобивым.

Предварительное следствие выяснило, что августе 1925 г. Мосидзе познакомился с 20-летней Маллоран, работавшей в типографии на улице Клиши. После двухнедельного знакомства молодые люди поселились вместе в гостинице на улице Клиши. По отзыву свидетелей, Мосидзе души не чаял в своей возлюбленной. Ссор между ними, как утверждал на следствии и на суде хозяин гостиницы, не было.

7 сентября Мосидзе получил на заводе расчет. По дороге домой он купил револьвер с 25-ю патронами. Спустя полчаса, во время обеда, Сесиль была убита.

Суд, публика в зале и журналисты задавались вопросом: что же могло произойти между любовниками?

Председатель суда огласил данные предварительного следствия, приводящие к заключению, что Мосидзе убил любовницу в припадке ревности. Мосидзе объяснил присяжным, что убил Сесиль по ее собственному желанию, а револьвер купил, чтобы покончить с собой.

Прокурор Нурисон, заявив, что не верит Мосидзе, тем не менее отказался от требования смертной казни, поскольку отверг возможность заранее обдуманного действия и признал наличие смягчающих обстоятельств.

В итоге присяжными был вынесен вердикт: виновен в нанесении ран. Прокурор объявил суду, что «нанесение ран» принадлежит к категории преступлений, по которым объявлена амнистия законом 26 декабря 1925 г. Вопрос, «применима ли амнистия к этому подсудимому», присяжными был решен положительно.[11]

В мае 1925 г. рыбак вытащил из Марны труп мужчины с 10-килограммовой гирей на шее. Личность убитого была установлена: им оказался К. Кущенко, русский, уроженец Томска, 28-ми лет. Он содержал ресторан для русских, работающих на канализационном заводе в Сен-Море, и исчез 19 ноября 1924 г. Гиря была украдена с завода.

В ходе расследования удалось выяснить, что бывший офицер Кущенко, приехавший во Францию в 1921 г., содержал ресторан вместе с Г. Косохатько, тоже бывшим военным, потерявшим руку. 19 ноября они вместе вышли из ресторана и расстались, по словам Косохатько, у Жуанвильского

моста. Свидетели сообщили, что вечером этого дня слышали выстрел на берегу канала, недалеко от того места, где был найден труп. Действительно, при вскрытии в черепе Кущенко была найдена пуля, выпущенная из револьвера.

После исчезновения Кущенко его компаньон Косохатько оставил ресторан и поселился в Париже. Он был подвергнут предварительному допросу, в ходе которого категорически отрицал свою причастность к убийству. Однако вскоре под напором следствия он сознался. Изложенная им версия событий была такова.

В ночь с 19 на 20 ноября 1924 г. компаньоны возвращались домой и заспорили о политике (они придерживались разных политических взглядов). Косохатько утверждал, что Кущенко ударил его, после чего он вытащил револьвер и выстрелил в Кущенко. Смерть была мгновенной - пуля попала в затылок. Тогда Косохатько привязал к трупу гирю и бросил его в канал вблизи Марны.

Суд приговорил Косохатько к 10-ти годам каторги и высылке из Франции.[12]

В 1933 г. на рельсах железной дороги было обнаружено тело П. Орлова, бывшего офицера, служившего в армии Врангеля, который работал на металлургическом заводе в Тамарисе. Обе ноги его были отрезаны проходившим поездом.

Один из товарищей Орлова заявил следователю, что тот был убит тремя русскими, что ему известны их имена. По его словам, преступники действовали ножом и утюгом, а затем положили тело своей жертвы на рельсы железной дороги, чтобы инсценировать несчастный случай. Предполагалось, что убийство совершено из мести, так как между Орловым и подозреваемыми были очень плохие отношения.

Произведенное вскрытие тела Орлова подтвердило предположение об убийстве: на теле оказались ножевые раны. Предполагаемые убийцы были арестованы. Ими оказались трое русских эмигрантов - Синборов, Алевизский и Дубинин - рабочие того же завода. Следствие выяснило, что убийцы напали на Орлова около рабочего ресторана и нанесли ему несколько ударов ножом и камнем. Свидетели столкновения вмешались и отнесли раненого домой. Но убийцы явились туда. Орлов вскочил с постели и пытался спастись бегством, но те настигли его и убили. Никто из русских не посмел донести на них, так как убийцы терроризировали эмигрантов. Только на следующий день один из знакомых Орлова заявил об истинных причинах смерти офицера. Суд приговорил преступников к 15-ти годам каторжных работ каждый.[13]

Подводя итоги исследования преступности среди русских эмигрантов во Франции в 1920 - 30-х гг. и судебной практики французских властей, можно прийти к следующим выводам.

Основными видами преступлений, совершаемых в эмигрантской среде, были различные мошенничества, ограбления и убийства.

Классификация судебных процессов по трем вышеуказанным группам обнаруживает закономерности, определившие причины преступлений, совершенных российскими эмигрантами. Преступниками становились, как правило, те, кто не сумел приспособиться к новым условиям жизни в другой стране, чем объясняется значительное число судебных разбирательств, связанных с убийствами по различным мотивам. Люди, доведенные до отчаяния, не видели иного выхода из создавшихся жизненных ситуаций, кроме убийства тех, кого они считали виновными в своих несчастьях.

В то же время эмигранты, и ранее не отличавшиеся особым уважением к закону, с таким же пренебрежением отнеслись к законодательству страны, принявшей их. Данной категории лиц принадлежит наибольшая доля участия в многочисленных громких аферах и грабежах. Жертвами русских преступников часто становились французы, стремящиеся к легкой наживе.

Важно отметить, что практика французских судебных органов отличалась одинаковым подходом к рассмотрению преступлений, совершенных как французами, так и эмигрантами из России и другими иностранными гражданами. Французские судебные власти объективно оценивали все имеющие влияние факторы и нередко выносили мягкие приговоры по делам российских эмигрантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] Последние новости.1925.10 марта.

[2] Последние новости.1928.3 января.

[3] Последние новости.1925.15 августа; 1926.4 февраля; 20 апреля; 14 мая; 1928.17 марта.

[4] Последние новости.1925.17 марта.

[5] Иллюстрированная Россия.1933.16 марта.

[6] Последние новости.1932.13 ноября.

[7] Последние новости.1925.9 августа.

[8] Последние новости.1931.20 октября.

[9] Последние новости.1926.6 марта.

[10] Последние новости.1926.26 февраля; 3 марта.

[11] Последние новости.1926.9,10 июля.

[12] Последние новости.1931.18 января; Иллюстрированная Россия.1931.12 ноября.

[13] Последние новости.1933.5,19 апреля.